

Бахарев Д.В.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ В КРИМИНОЛОГИИ. ЧАСТЬ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА В ПОЗНАНИИ МЕХАНИЗМА ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация: Объектом исследования в настоящей статье являются возможности и перспективы использования в криминологических исследованиях достижений пространственной науки. Предметом исследования выступают теоретические предпосылки и методологические основы применения методов пространственного анализа в познании механизма детерминации преступности. Актуализируется вопрос о важности формирования у современного исследователя закономерностей формирования территориальных различий показателей преступности специфического пространственного или географического мышления. Оно позволяет познать закономерности функционирования определенной социальной системы в пространственном разрезе, которые, в свою очередь, можно «наложить» на уже известные к настоящему времени закономерности формирования территориальных различий преступности и, в результате этого, расширить представление о механизме детерминации преступности в целом. Методологию исследования составляют базовые положения цикла социально-экономических наук (криминологии, социологии, региональной экономики, социально-экономической географии, демографии и др.), касающиеся сущности, содержания и методов изучения социальных явлений и процессов, в первую очередь, преступности. Исследование базируется на объективном диалектическом методе познания социальных и правовых явлений и процессов, относящихся к избранной теме, изучения их взаимосвязи и взаимодействия. Кроме того, в основу исследования положены следующие общенаучные методы: анализа и синтеза, исторический, логический, обобщения, абстракции, сравнения, системного анализа, моделирования и др. Также в статье обосновывается тезис о необходимости широкого использования в рамках пространственного анализа картографических и статистических методов исследования. Новизна исследования заключается в анализе теоретических предпосылок и в разработке на этой основе методологических основ пространственного анализа социально-экономических явлений и процессов, включая преступность. Пространственный анализ позиционируется как самостоятельное, более узкое направление научных исследований в рамках географии преступности, которая, в свою очередь, является одним из разделов криминологической теории детерминации, изучающим причинный комплекс преступности в территориальном аспекте.

Ключевые слова: Механизм детерминации преступности, причины преступности, пространственная наука, пространственное мышление, пространственный анализ, география преступности, территориальные различия преступности, территориальные социально-экономические системы, моделирование, системный подход.

Abstract: The object of this research is the capabilities and prospects of using the achievements of spatial science in criminological research. The subject of this research is the theoretical prerequisites and methodological basis for application of methods of spatial analysis in cognition of the mechanism of determination of crime. The author raises the question on the importance of formation within the modern researcher of regularities of formation of territorial differences in the indexes of crime of a specific spatial or geographic thinking. It allows grasping the regularities of the functionality of a particular social system within the spatial aspect, which in turn can be “layered” onto already known regularities of formation of the territorial differences in crime and as a result, expand the understanding of the mechanism of determination of crime overall. The scientific novelty of this research consists in the analysis of the theoretical prerequisites and development of methodological basis for spatial analysis of the socioeconomic events

and processes, including crime. Spatial analysis is being positioned as an autonomous, narrower direction of scientific research within the framework of geography of crime, which in turn represents one of the sections of criminological theory of determination, studying the causal complex of criminality in the theoretical aspect.

Keywords: Mechanism of determination of crime, Causes of crime, Spatial science, Spatial thinking, Spatial analysis, Geography of crime, Territorial differences in crime, Territorial socioeconomic systems, Modelling, Systemic approach.

Познание механизма детерминации преступности – центральная задача в криминологии. Отечественная наука советского периода серьезно продвинулась в ее решении во многом благодаря организации широкомасштабных исследований в области изучения географии преступности или закономерностей формирования ее территориальных различий. Сущность сформировавшегося *территориального подхода* в криминологических исследованиях, в общих чертах, можно свести к следующему. Данный подход применяется в целях изучения факторов (причин) преступности и выражается в: а) анализе и сравнении показателей преступной активности населения определенных территориальных систем различного уровня (города, села, района, региона, отдельной страны); б) выявлении определенных (экономических, социальных, демографических, культурных и т.д.) факторов, специфическим образом проявляющихся в рамках данных территориальных систем, и установлении их взаимосвязи с показателями преступности в рамках этих территорий. При констатации наличия определенной зависимости между изменениями показателей преступной активности населения в рамках определенной территории и наблюдаемыми отклонениями отдельных показателей, характеризующих различные стороны жизни этого населения (при оптимальном варианте – выявление значительной степени корреляции между динамикой этих явлений), можно предположить, что именно данные отклонения являются причинами повышения активности людей в противоправной сфере [1, с.141-145].

Посредством реализации территориального подхода была установлена взаимосвязь показателей преступной активности населения определенной местности со спецификой протекания там миграционных, демографических и иных социальных процессов [2,3,4]. Вместе с тем, необходимо отметить, что с начала 1990-х гг. и вплоть до настоящего времени исследования в области географии преступности постепенно переместились на периферию криминологической науки. Это было обусловлено тем, что все те выводы, к которым пришли советские ученые, фактически противоречат реалиям сегодняшнего дня. В частности, советскими криминологами было отмечено, что в большинстве случаев в регионах с наибольшим коэффициентом прибытия мигрантов

отмечался и повышенный уровень преступности; в регионах же с наименьшим коэффициентом прибытия, напротив, данный показатель был гораздо ниже. Однако в наши дни даже предварительное изучение показателей преступности в регионах с наибольшим оттоком и притоком мигрантов свидетельствует о том, что показатели преступности в регионах-«донорах» значительно превышают аналогичные показатели в регионах-«реципиентах» [5, с.403-404]. Кроме того, если в советский период регионы интенсивного экономического освоения были всегда и проблемными в плане преступности, то в наши дни, напротив, активно развивающиеся в социально-экономическом плане территории, как правило, характеризуются относительно невысокими (в сравнении со среднероссийскими) показателями преступности [6, с.39-40].

Таким образом, ответа на вопрос о том, какие факторы в наши дни влияют на рост или снижение уровня преступности в субъектах Российской Федерации и, соответственно, формируют картину территориального распределения показателей преступности на территории России – географию российской преступности – пока не получено. Проводимые в последние десятилетия исследования в этой области направлены, в большинстве случаев, на решение сугубо «описательных», а не «объяснительных» задач: в них фиксируется картина уровня, структуры и динамики преступности по регионам Российской Федерации, но какого-либо значимого прогресса в области объяснения закономерностей формирования подобной картины в условиях уже не планового, а рыночного способа хозяйствования, пока не произошло. В связи с этим, в криминологии все чаще начинает высказываться точка зрения, в соответствии с которой география преступности – это раздел социально-экономической географии, а не криминологии, и ее изучение вряд ли может оказать какую-либо существенную помощь в познании причин и закономерностей формирования территориальных различий показателей преступности, а, следовательно, и всего механизма детерминации преступности в обществе в целом [7, с.33]. Представляется, что это не так, и в географии преступности заложен мощный «объяснительный» потенциал, но весь вопрос в том, как его можно продуктивно реализовать?

Если исходить из известной теоретической посылки Э. Дюркгейма о том, что преступность является одной из характеристик состояния общественного организма, то, как верно отмечали еще советские криминологи, состояние и тенденции развития преступности определяются «всею совокупностью социально-экономических, политических и др. факторов, воздействующих на преступность не отдельными своими элементами, а интегрированно, т.е. всей системой факторов, взаимодействующих между собой» [8, с.9]. Исходя из данного заключения, наиболее плодотворным территориальный подход к познанию ее причин может быть в том случае, когда он будет представлять собой «криминологический анализ функционирования территориально-пространственных систем, выявление в них дестабилизирующих факторов, источников дезорганизации и социального напряжения». При этом основное внимание должно быть сосредоточено «не на отдельных фрагментах социальной действительности, не на изучении вырванных из целостного общественного организма процессов и явлений в их взаимодействии с преступностью, а как раз на том качественно новом, что обнаруживается в результате всеобщего взаимодействия и взаимовлияния всех основных компонентов и сфер рассматриваемой социальной системы» [9, с.28-29].

Этими же исследователями отмечалось, что процесс познания закономерностей функционирования сложных социальных систем (к которым относятся территориальные системы регионального и поселенческого уровня) целесообразно осуществлять на динамической основе, поскольку изменения, происходящие в них, вызваны отнюдь не только что оказанным на них существенным воздействием, а, напротив, опосредованы целой цепочкой воздействий и ответных реакций системы на протяжении прошлого периода времени. Следовательно, необходимо знать, какие факторы определяют динамическое поведение сложных систем, а отсюда перед криминологией встает задача по разработке методов, позволяющих количественно анализировать динамическое поведение сложных систем, взаимодействие которых и образует причинный социально-экономический комплекс преступности [8, с.16-18].

Очевидно, что в рамках описанной ранее общетеоретической схемы реализации территориального подхода решение этой задачи крайне затруднительно ввиду отсутствия возможности смоделировать процесс функционирования общества в рамках определённого пространства в качестве обособленной в территориальном отношении социально-

экономической системы, поскольку данная схема ориентирована сугубо на анализ, а отнюдь не на синтезированный результат.

Представляется, что для решения этой задачи целесообразно обратиться к достижениям региональной экономики и социально-экономической географии, на стыке которых в настоящее время формируется новое междисциплинарное направление по изучению социально-экономических процессов в территориальной (пространственной) проекции – пространственная экономика. Взяв за основу зафиксированную на карте исходную картину состояния значимых общественно-экономических процессов в регионах страны, отечественные представители пространственной экономики, в частности, предпринимают попытки, во-первых, понять закономерности формирования такой картины в условиях уже не плановой, а рыночной экономики, т.е. в условиях естественного (свободного) движения факторов производства и товаров, и, во-вторых, спрогнозировать механизм реализации выявленных закономерностей в будущем и отражения их в пространственном разрезе.

Анализ результатов зарубежных и современных российских исследований в этой сфере [10,11,12,13] позволяет прийти к выводу о том, что основными факторами, определяющими вектор и динамику развития социально-экономических процессов в рамках пространства российских региональных систем на современном историческом этапе (и, соответственно, формирующими потенциал такого развития) выступают:

1) *экономико-географическое положение* региональной социально-экономической системы. Оно характеризует: климат, территориальное расположение по отношению к природным и экономико-географическим объектам (например, «соседство» с депрессивными в социально-экономическом плане территориями или, напротив, с ярко выраженными в этом отношении лидерами), природно-ресурсный потенциал (полезные ископаемые, пашенные земли и т.д.) и др.

2) *характер и структура развития поселенческой сети и, в первую очередь, городов*. Крупные города и городские агломерации выполняют роль «локомотивов» социально-экономического развития отдельных территориальных систем. Для равномерного развития территории страны размещение крупных городов должно быть довольно равномерным и плотным.

3) *численность и плотность населения*: чем она выше, тем выше емкость потребительского рынка, ниже транспортные издержки на доставку готовой продукции, соответственно, экономика региона растет более высокими темпами.

4) *уровень развитости инфраструктуры* (прежде всего, транспортных артерий).

5) *степень привлекательности территории с точки зрения жителей других регионов страны и иностранцев* (характеризуемая активным или пассивным сальдо миграции).

6) *состояние экономической базы региона* (включающей в себя ресурсный потенциал и производственную базу).

7) *специфика сложившейся институциональной среды региона* (качество деятельности административно-управленческого аппарата, общий бизнес-климат и т.д.).

Кроме того, необходимо отметить, что в последние десятилетия в большинстве субъектов Российской Федерации (за исключением, пожалуй, регионов Юга России и Московской области) постепенно стал проявляться целый ряд негативных тенденций социально-экономической жизни, выразившихся в: а) депопуляции населения отдаленных от городов и автомагистралей территорий; б) уменьшении интенсивности хозяйственного использования таких территорий; в) снижении качества человеческого капитала на обезлюдяющих территориях; г) ухудшении качества их инфраструктуры и т.д. [14,15]. В целом этот процесс получил наименование «сжатие социального пространства» и он выступает в качестве еще одного фактора, влияющего, в числе прочих, на специфику развития социально-экономических процессов в региональном пространстве.

Таким образом, значительный познавательный интерес представляет собой попытка рассмотреть всю совокупность социально-экономических явлений и процессов (включая и преступность) уже не в территориальном, а *пространственном* аспекте, что предполагает:

а) первоначальный отбор для последующего сравнения территориальных общественных систем, процесс функционирования которых подчинен единым закономерностям, что проявляется в наличии схожих тенденций развития социально-экономических явлений и процессов в рамках этих систем; б) анализ потенциала или «стартовых условий» социально-экономического развития данных систем; оценка на этой основе перспектив успешности и, напротив, рисков возникновения негативных явлений и процессов в ходе функционирования социально-экономической среды территориальной общности в определенном временном промежутке; анализ итогов социально-экономического развития социально-территориальной общности в этот период времени, сопоставление потенциала и итогов тако-

го развития, т.е. «возможностей» и «результатов»; в) сопоставление данной информации со сведениями об уровне, состоянии и динамике преступности в рассматриваемой территориальной социально-экономической системе; г) сравнение всех отобранных территориальных общественных систем друг с другом по вышеуказанным аспектам.

Подобное изучение механизма детерминации преступности через выявление закономерностей протекания социально-экономических явлений (в т.ч. и преступности) в определенных пространственных границах представляет собой одно из направлений исследования причинного комплекса преступности посредством изучения закономерностей формирования ее территориальных различий. Соответственно, пространственный анализ – отдельное, более узкое направление научных исследований в рамках географии преступности, которая, в свою очередь, является одним из разделов криминологической теории детерминации, изучающим причинный комплекс преступности в территориальном аспекте.

Подведем итог, попытавшись обобщить вышеизложенное, и, одновременно, выявить специфику содержания пространственного анализа в качестве раздела географии преступности. Она, на наш взгляд, заключается в следующем.

1. Исходные теоретические предпосылки применения пространственного анализа не новы: за отправную точку берется гипотеза, сформулированная группой отечественных криминологов в еще советский период (Лепс А.А., Раска Э.Э., Спиридонов Л.И., Яковлев А.М.), о том, что преступность (представляющая собой одну из характеристик состояния общественного организма) определяется не какими бы то ни было отдельными общественными явлениями или процессами, но зависит от специфики процесса совокупного, интегрированного взаимодействия и взаимовлияния всех основных компонентов и сфер жизни общества, т.е. от характера общественного развития в целом. Поэтому, прежде чем предпринять попытку выявления закономерностей изменения преступности, нужно сначала установить, каковы закономерности функционирования той или иной социальной системы, какие факторы определяют характер и специфику основных социально-экономических процессов, происходящих в обществе, и только после этого имеет смысл спроецировать эти знания на уже известные к настоящему времени закономерности формирования особенностей преступности в социальных общностях того или иного уровня, т.е. территориальных различий преступности.

Такая возможность возникла относительно недавно, когда зарубежными экономико-географами и экономистами при помощи эконометрических моделей, т.е. опытным путем были подтверждены наиболее распространённые точки зрения, высказываемые на протяжении последних полутора столетий, относительно роли и значения отдельных факторов (городов, расстояний между ними, транспортных магистралей, миграционных потоков и др.) в формировании социально-экономической активности людей в рамках определенного пространства. В итоге появились серьезные теоретические предпосылки для построения моделей функционирования той или иной пространственно-локализованной социальной системы, что не замедлило позитивно сказаться на глубине и достоверности результатов исследований во всех общественных науках, предмет изучения которых может быть рассмотрен, в том числе, и в пространственном аспекте.

2. Соответственно, методологическую платформу пространственного анализа в криминологических исследованиях составляет системный подход к познанию устройства и закономерностей функционирования социально-территориальных общностей различного уровня, основной составляющей которого, в свою очередь, выступает метод *моделирования*, реализуемый посредством построения логических моделей подобных общностей. В состав какого-либо элемента (подсистемы) этой модели должна входить и преступность в качестве последствия интегрированного влияния вектора (динамики) развития и специфики взаимодействия всех основных социально-экономических процессов, объединенных в элементы данной модели. Те же факторы, которые оказывают влияние на развитие социально-экономических процессов в пространстве, должны быть встроены в модель социально-территориальной общности в качестве ключевых элементов, взаимодействие которых друг с другом обеспечивает логически допустимую динамику изменения соотношения всех основных элементов, входящих в состав этой модели.

3. Анализ и оценка факторов социально-экономического развития территориальных общественных систем осуществляется при помощи *картографических* и *статистических* методов исследования. Первый из них включает в себя: визуальный анализ территориальной локализации изучаемых объектов; картометрию, т.е. измерение по картам расстояний, площадей и иных величин; изучение тенденций и динамики развития социально-экономических явлений и процессов в территориальной плоскости и др. Масштабное применение картографического метода

является «визитной карточкой» пространственного анализа, отличающей его от других направлений исследований, развивающихся в рамках географии преступности. Что касается статистического метода исследований, то в рамках пространственного анализа он реализуется, прежде всего, в целях количественной оценки изучаемых явлений и процессов (факторов социально-экономического развития территориальных социально-экономических систем и результатов такого развития за определенный временной промежуток) на основе данных социально-экономической статистики по регионам страны и располагающимся на их территории населенным пунктам.

4. Еще одним неотъемлемым элементом пространственного анализа выступает применение *метода сравнения*. Его использование в данном случае носит многоаспектный и последовательный характер: во-первых, после проведения сравнения социально-территориальных общностей на предмет обеспеченности их факторами социально-экономического развития осуществляется процедура оценки степени такой обеспеченности; во-вторых, производится сравнение наиболее важных показателей социально-экономического развития социально-территориальных общностей за определенный период времени (определяемых, в соответствии с построенной моделью функционирования такой социальной системы) и того потенциала, которым располагала данная общность в начале выбранного периода; в-третьих, необходимо сравнение итогов социально-экономического развития определенной социально-территориальной общности с динамикой зафиксированных в ней за тот же временной промежуток показателей преступности; наконец, в-четвертых, итоговые результаты сопоставления сведений о динамике социально-экономического развития определенной территории и показателей преступности в ее границах необходимо сравнить с результатами подобного сопоставления аналогичных показателей другой социально-территориальной общности.

5. Вопрос об отборе тех социально-территориальных общностей, которые будут сравниваться между собой, в рамках пространственного анализа решается посредством осуществления процедуры предварительной *типологизации* всех этих общностей определенного уровня, т.е. или населенных пунктов, или региональных социально-экономических систем. Сравнению могут подлежать объекты, входящие в одну типологическую группу, т.е. обладающие сходством с качественной, а не с количественной точки зрения. Соответственно, критериями типологизации при осуществлении процедуры пространственного анализа в криминологических исследованиях должны

выступать: а) потенциал или «стартовые условия» успешного социально-экономического развития, которым обладает социально-территориальная общность; и б) различного рода условия, в которых данный потенциал предстоит реализовать.

6. Наконец, поскольку анализ качества функционирования определенной социально-территориальной общности (населенного пункта и региона) будет производиться на динамической основе (т.е. будут анализироваться и потенциал социально-экономического развития, имевшийся у региона или населённого пункта в начале определенного периода, и динамика и итоги такого развития в конце выбранного периода), пространственный анализ предполагает также использование *исторического* подхода. Он позволит проследить ход развития указанных явлений и процессов (включая и преступность) во временном аспекте, а также даст возможность связать их вектор и динамику с определенными значимыми событиями, произошедшими в течение выбранного для исследования периода.

Таким образом, главной особенностью пространственного анализа как одного из направлений изучения механизма детерминации преступности в терри-

ториальном разрезе является, на наш взгляд, то, что успешная его реализация предполагает формирование у исследователя специфического *пространственного* или *географического* мышления, которое, по мнению классика отечественной экономической географии Н.Н. Баранского, представляет собой мышление «во-первых, привязанное к территории, кладущее свои рассуждения на карту, и, во-вторых, связанное, комплексное, не замыкающееся в рамках одного «элемента» или одной отрасли...» [16, с.163]. Оно позволяет познать специфическое свойство пространства, занимаемое той или иной социальной системой, влияющее на упорядоченность располагающихся в нем объектов, т.е. познать закономерности функционирования этой социальной системы в пространственном разрезе при помощи синтезирования территориального, системного, исторического, типологического и сравнительного подходов. Эти выявленные закономерности можно «наложить» на уже известные к настоящему времени закономерности формирования территориальных различий преступности и, в результате, расширить представления о механизме детерминации преступности в целом.

Библиография:

1. Бахарев Д.В. Возможности территориального подхода в рамках проведения криминологической экспертизы Евразийской транспортной системы // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 141-145.
2. Бабаев М.М., Кузнецова Э.В., Урланис Е.Б. Влияние демографических процессов на преступность. М.: Юрид. лит-ра, 1976. 176 с.
3. Влияние социальных условий на территориальные различия в преступности / М.М. Бабаев, В.К. Звирбуль, Э.Б. Мельникова и др. М.: Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1977. 140 с.
4. Изучение преступности в городах и сельской местности / М.М. Бабаев, И.И. Карпец, Э.В. Кузнецова, А.С. Никифоров и др. М.: Юрид. лит-ра, 1971. 212 с.
5. Бахарев Д.В. Характер современных демографических процессов в России и их учет при изучении причин преступности // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (Посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) // Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. М., 2013. С. 400-404.
6. Бахарев Д.В. Использование интегральных показателей в исследовании социально-экономических факторов территориальной дифференциации уровня преступности: история и современные перспективы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 1. С. 33-41.
7. Бахарев Д.В. К вопросу о предмете и содержании географии преступности как одного из направлений исследования причинного комплекса преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 1. С. 32-38.
8. Спиридонов Л., Лепс А. Теоретические вопросы изучения территориальных различий преступности // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. Тарту, 1985. Вып. 725. С. 3-18.
9. Раска Э.Э. Преступность как показатель состояния социального пространства (К вопросу об обосновании территориального подхода к изучению преступности) // Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности. Тарту, 1987. Вып. 761. С. 28-29.
10. Fujita M., Krugman P. The New Economic Geography: Past, Present and the Future // Papers in Regional Science. 2003. Vol. 83. № 1. pp. 139-164.
11. Fujita M., Krugman P. and Venables A.J. The Spatial Economy. Cities, Regions, and International Trade. Cambridge, MA: MIT Press, 1999. 367 p.
12. Коломак Е. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 132-149.
13. Кузнецова О. Пирамида факторов социально-экономического развития регионов // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 121-131.

14. Нефедова Т.Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России: реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: Эслан, 2010. С. 128-145.
15. Пивоваров Ю.Л. Альтернативная концепция макрорегионального развития России: сжатие интенсивно освоенного пространства // Мир России. 1996. № 2. С. 63-74.
16. Баранский Н.Н. Избранные труды: Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980. 239 с.

References (transliterated):

1. Bakharev D.V. Vozmozhnosti territorial'nogo podkhoda v ramkakh provedeniya kriminologicheskoi ekspertizy Evraziiskoi transportnoi sistemy // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2013. № 2. S. 141-145.
2. Babaev M.M., Kuznetsova E.V., Uralnis E.B. Vliyaniye demograficheskikh protsessov na prestupnost'. M.: Yurid. lit-ra, 1976. 176 s.
3. Vliyaniye sotsial'nykh uslovii na territorial'nye razlichiya v prestupnosti / M.M. Babaev, V.K. Zvirbul', E.B. Mel'nikova i dr. M.: Izd-vo Vsesoyuz. in-ta po izuch. prichin i razrab. mer preduprezhdeniya prestupnosti, 1977. 140 s.
4. Izuchenie prestupnosti v gorodakh i sel'skoi mestnosti / M.M. Babaev, I.I. Karpets, E.V. Kuznetsova, A.S. Nikiforov i dr. M.: Yurid. lit-ra, 1971. 212 s.
5. Bakharev D.V. Kharakter sovremennykh demograficheskikh protsessov v Rossii i ikh uchet pri izuchenii prichin prestupnosti // Problemy kodifikatsii ugolovnoy zakona: istoriya, sovremennost', budushchee (Posvyashchaetsya 200-letiyu proekta Ugolovnoy ulozheniya 1813 goda) // Materialy VIII Rossiiskogo kongressa ugolovnoy prava, sostoyavshegosya 30-31 maya 2013 g. M., 2013. S. 400-404.
6. Bakharev D.V. Ispol'zovaniye integral'nykh pokazatelei v issledovanii sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov territorial'noi differentsiatsii urovnya prestupnosti: istoriya i sovremennyye perspektivy // Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2011. № 1. S. 33-41.
7. Bakharev D.V. K voprosu o predmete i soderzhanii geografii prestupnosti kak odnogo iz napravlenii issledovaniya prichinnoy kompleksa prestupnosti // Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2012. № 1. S. 32-38.
8. Spiridonov L., Leps A. Teoreticheskie voprosy izucheniya territorial'nykh razlichii prestupnosti // Teoreticheskie problemy izucheniya territorial'nykh razlichii prestupnosti. Tartu, 1985. Vyp. 725. S. 3-18.
9. Raska E.E. Prestupnost' kak pokazatel' sostoyaniya sotsial'nogo prostranstva (K voprosu ob obosnovanii territorial'nogo podkhoda k izucheniyu prestupnosti) // Teoreticheskie problemy izucheniya territorial'nykh razlichii v prestupnosti. Tartu, 1987. Vyp. 761. S. 28-29.
10. Fujita M., Krugman P. The New Economic Geography: Past, Present and the Future // Papers in Regional Science. 2003. Vol. 83. № 1. pp. 139-164.
11. Fujita M., Krugman P. and Venables A.J. The Spatial Economy. Cities, Regions, and International Trade. Cambridge, MA: MIT Press, 1999. 367 p.
12. Kolomak E. Neravnomernoye prostranstvennoye razvitiye v Rossii: ob'yasneniya novoy ekonomicheskoy geografii // Voprosy ekonomiki. 2013. № 2. S. 132-149.
13. Kuznetsova O. Piramida faktorov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov // Voprosy ekonomiki. 2013. № 2. S. 121-131.
14. Nefedova T.G. Szhatie vnegorodskogo osvoennogo prostranstva Rossii: real'nost', a ne illyuziya // Szhatie sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva: novoye v teorii regional'nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya. M.: Eslan, 2010. S. 128-145.
15. Pivovarov Yu.L. Al'ternativnaya kontseptsiya makreregional'nogo razvitiya Rossii: szhatie intensivno osvoennogo prostranstva // Mir Rossii. 1996. № 2. S. 63-74.
16. Baranskii N.N. Izbrannyye trudy: Stanovlenie sovetskoy ekonomicheskoy geografii. M.: Mysl', 1980. 239 s.